

После захода солнца двое вернулись из каменистой пустоши в маленькую хижину. Старший мастер Лань засучил рукава, принимаясь за готовку, а молодой господин Фан, подперев подбородок рукой, сидел на пороге и препирался с ним, шутливо строя козни.

Чистое озеро перед домом служило им местом для вечерних забав. В лунном свете гладь воды казалась прозрачной и безмятежной, а на закате она заливалась ярким сиянием, отражая облака.

Однако счастливые дни пролетали незаметно — в мгновение ока пролетело больше половины месяца. Хотя оба старались не заговаривать о грядущей свадьбе, каждый хранил свои тревоги в глубине души, и каждый раз в пылу близости они яростно терзали друг друга, словно стремясь оставить на теле партнера неизгладимый след.

Той ночью небосвод сиял особенно ярко — завтрашний день обещал быть погожим.

Лань Чжуй, полулежа в постели, с тоской наблюдал, как Фан Юньсюань собирает вещи. Спустя долгое время он наконец не выдержал:

— Ты хоть раз задумывался о том, чтобы остаться со мной в этой хижине навсегда?

Фан Юньсюань замер на секунду, взглянул на него и продолжил свои дела.

— Задумывался? — не унимался Лань Чжуй. — Хотя бы на миг?

— Задумывался, — ответил он бесстрастно. — Но это были лишь мысли. Мы живем в реальности, а значит, должны с ней считаться.

— Считаться с реальностью — это значит жениться на женщине, которую не любишь? — Лань Чжуй вскочил с кровати, схватил его за руку и заставил посмотреть себе в глаза. — Ты погубишь счастье троих человек!

Фан Юньсюань едва заметно улыбнулся и поддразнил его:

— Если тебя не смутит, мы по-прежнему сможем видеться и практиковаться в боевых искусствах.

Лань Чжуй стиснул зубы:

— То есть я должен делить своего мужчину с другой женщиной?

Фан Юньсюань резко толкнул его на кровать и навис сверху:

— Нет. Боюсь, что после завтрашнего дня ты сам будешь бегать от меня, как от огня.

— Тогда зачем ты соблазнил меня? — Лань Чжуй приподнялся на локтях, глядя на человека, уткнувшегося ему в грудь.

— Я же говорил, что не властен над своим сердцем... — он поднял голову, и в его глазах застыла такая печаль, словно это не он был инициатором их близости.

Лань Чжуй перевернулся, придавив его к кровати, и принялся осыпать поцелуями его изящные черты лица, хрипло шепча:

— Как у тебя хватает жестокости столкнуть меня в бездну, из которой нет возврата?

Юньсюань обвил руками его шею, отвечая на поцелуй:

— Если это ад, то я уже давно жду тебя в нем.

Десятое число девятого месяца, ясный солнечный день.

С раннего утра Крепость семьи Фан гудела от оживления. Потоки гостей, прибывших поздравить хозяев, не иссякали, выказывая Фан Хуаньтяню величайшее почтение.

Жених Фан Юньсюань появился в крепости с самого рассвета, и младшие братья по школе, не говоря ни слова, усадили его в кресло, приводя в порядок.

Близился счастливый час, а главного свидетеля все не было. Фан Хуаньтянь занервничал:

— Юньсюань, почему господин Лань не приехал вместе с тобой?

Фан Юньсюань обернулся и слегка улыбнулся:

— Господин Лань с утра почувствовал себя нехорошо, приехать он не сможет.

Фан Хуаньтянь опешил, и хотя он был недоволен, расспрашивать дальше не стал:

— Увы... Придется искать другого человека на роль свидетеля среди гостей.

Фан Юньсюань позволил младшим братьям поднять себя с кресла и облачить в красный свадебный наряд. Он стоял с опущенными глазами, уставившись в пол, с абсолютно безразличным лицом.

Сегодня утром, когда он проснулся, то зажал нос Ланя Чжуй и заставил его проглотить пилюлю. Этого сна хватило бы, чтобы проспять даже резню в Крепости семьи Фан.

Он обещал показать ему свое истинное лицо, но, в конце концов... у него не хватило духу увидеть разочарование и гнев в глазах любимого.

В это время Фан Мэн, облаченная в алое платье, чинно сидела перед зеркалом. Отражение в нем напоминало цветок лотоса, на губах играла улыбка, а все лицо светилось счастьем.

Пожилая сваха, увидев ее нежный взгляд, не удержалась от шутки:

— Твоему старшему брату в прошлой жизни несказанно повезло — жениться на такой красавице, это счастье даже в загробном мире!

Фан Мэн кокетливо нахмурилась и строго взглянула на нее:

— Что за глупости вы говорите!

— Разве нет? Посмотри на остальных учеников, у них от зависти слюнки текут.

— Мне не нужно, чтобы кто-то другой пускал на меня слюнки, — радостно ответила Фан Мэн.
— Достаточно того, чтобы только брат относился ко мне хорошо.

Она вспомнила, как пятнадцать лет назад отец привел домой грязного, но не сломленного мальчика, и как ее сердце сразу пленили его гордые и в то же время нежные глаза. С тех пор рядом всегда был тот, кто защищал ее, где бы она ни была.

Пятнадцать лет... Фан Мэн нежно улыbnулась и невольно погладила свой живот, ее лицо сияло блаженством.

Она потратила пятнадцать лет на то, чтобы расти вместе с ним, наблюдая, как он становится выдающимся мастером, излучающим свет. Она сама усердно совершенствовалась, следуя за ним, превращаясь из несмышленой девчонки в будущую мать.

Громкий голос Фан Хуаньтяня раздался за дверью:

— Мэн-эр, счастливый час настал, выходи на церемонию!

Женщины в комнате засуетились, хихикая, и накинули красный шелковый плат на голову Фан Мэн, скрыв ее сияющее лицо.

В главном зале горели праздничные огни, на стенах были наклеены красные иероглифы Счастье, а две алые свечи с гравировкой драконов и фениксов придавали помещению торжественный вид.

Фан Юньсюань спокойно смотрел на Фан Мэн, которую под руки вели к нему. На ней был

красный наряд, а руки, сжимавшие края одежды, выдавали ее волнение. Он не видел ее лица, но мог представить, как она счастлива стать его женой. После трех поклонов эта девушка, сопровождавшая его пятнадцать лет, станет его законной супругой.

Но судьба распорядилась иначе еще пятнадцать лет назад — ей было суждено стать лишь пешкой в его руках.

— Первый поклон Небу и Земле! — эти слова по обычаю должен был произнести Лань Чжуй, но теперь их выкрикивал глава школы Куньлунь.

— Второй поклон предкам! — Фан Юньсюань повернулся к сияющему от радости Фан Хуаньтяню и, не меняясь в лице, преклонил колени.

— Третий поклон супругов друг другу! — из-под красного платя донесся тихий смех.

Начался банкет. Фан Мэн проводили в брачные покои, а Юньсюань, взяв кубок, принялся обходить столы, как и положено жениху.

После третьей чаши гости захмелели, но Фан Юньсюань оставался невозмутим. Он твердой рукой поднял кубок и направил его в сторону Фан Хуаньтяня:

— Юньсюань... почтительно кланяется учителю!

Фан Хуаньтянь расхохотался и залпом выпил:

— Хороший ученик! Нет, хороший зять!

Фан Юньсюань слегка улыбнулся и разжал пальцы — кубок упал и разбился вдребезги. Шумный зал мгновенно притих, все обернулись к ним.

В этот момент десятки черных фигур ворвались в зал, окружив присутствующих.

— Что за нечисть?! Как вы смеете здесь бесчинствовать! — крикнул кто-то из толпы, но тут же схватился за живот, и изо рта у него хлынула кровь.

Не только он — все гости начали корчиться от боли, обхватив животы и стоная.

Гун Цюйчэнь вошел в зал, на его губах играла насмешливая улыбка, он высокомерно оглядел толпу.

Следом за ним вошел еще один человек, облаченный в белоснежные одежды, столь чистые, что они казались неземными. На руке у него извивалась черная змея, чьи ядовитые клыки глубоко

вонзились в плоть; фиолетово-черные вены вздулись, но ни капли крови не проступило наружу.

Фан Хуаньтянь, обливаясь потом, прижал руку к животу, где вздулись вены, и вдруг, что-то вспомнив, медленно повернул голову к невозмутимо стоявшему рядом Фан Юньсюаню. Его глаза расширились от ужаса.

Тот смотрел на него с улыбкой.

Фан Хуаньтянь попытался встать со стула, но каждое движение отдавалось дикой болью, словно тысячи муравьев грызли его вены изнутри.

Фан Юньсюань спокойно поднялся:

— Господа, не стоит напрасно сопротивляться. В вине, которое вы пили, был яд гу из Западных Регионов. Не бойтесь, этот яд не убьет вас сразу, он лишь распространится по всем венам и сосудам. Только когда мастер гу начнет читать заклинание, вы испытаете нестерпимую боль.

Люди ахнули.

— Фан Юньсюань, что это значит?

— Ты — главный ученик Крепости семьи Фан, и ты вступил в сговор с культом демонов! Негодяй!

Гун Цюйчэнь в ярости подошел и влепил ему пощечину:

— Тьфу! Если из твоего грязного рта вылетит еще хоть одно оскорбление, я вырву твой язык и скормлю собакам!

Фан Юньсюань даже не взглянул на того человека и громко произнес:

— Сговор тут ни при чем. Тот самый глава Культа Линьинь, которого все вы так жаждали уничтожить, — это я.

В зале воцарилась гробовая тишина. Фан Хуаньтянь с мертвенно-бледным лицом смотрел на человека, с которым его дочь только что обменялась поклонами, не в силах принять правду:

— По... почему?

Юньсюань опустил голову, насмешливо глядя на капли пота, стекавшие по его лбу:

— Учитель... нет, отец... Вы боитесь? Сейчас я скажу вам правду, чтобы вы знали, за что умираете. Почему маленький ягненок, которого вы кормили пятнадцать лет, вдруг вцепился вам в горло.

Он выпрямился и медленно подошел к настоятелю Шаолия:

— Почтенный, вы странствуете по миру десятки лет, доводилось ли вам слышать об Усадьбе Жэнь в Цинъюане?

Как только прозвучало это имя, зал всколыхнулся. Фан Хуаньтянь, словно предчувствуя что-то, побледнел еще сильнее.

Настоятель Дэюань сохранял спокойствие, медленно открыл глаза, и лишь пот на носу выдавал его волнение:

— Конечно, я слышал. Жэнь Цюаньфэн был редчайшим талантом боевых искусств, уже в двадцать с небольшим лет он не знал равных и стал самым молодым главой боевых искусств в истории. Двадцать три года назад глава Жэнь женился на святой деве из Западных Регионов Му Хунлин и покинул мир боевых искусств, чтобы заняться торговлей в Цинъюане.

— Звучит так, будто они жили счастливо. А что потом? — Фан Юньсюань вертел в руках фарфоровую чашку, голос его был спокоен.

— Потом... — настоятель Дэюань прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания. — Через несколько лет Усадьбу Жэнь вырезали за одну ночь, усадьба сгорела дотла, сто с лишним человек... никто не выжил.

— Нет, двое выжили, — перебил его Фан Юньсюань.

Он повернулся к посиневшему Фан Хуаньтяню и вдруг холодно улыбнулся, прошептав ему на ухо:

— Дядюшка Фан, вы помните Сяояо? Жэнь Сяояо, который любил писать вам на шею?

Фан Хуаньтянь вздрогнул, в его глазах мелькнул страх — он смотрел на мужчину перед собой, как на призрака.

Юньсюань повернулся к Юань Сюй, монахине из школы Эмэй, которая дрожала от страха или боли:

— А вы, тетушка Ци?

— Ты... ты Сяояо? — вскрикнула Юань Сюй. — Невозможно, невозможно! Тот пожар сжег всё дотла, никто не мог выжить! Это абсолютно невозможно!

— Можете считать меня призраком, — он злобно усмехнулся. — Призраком, который пришел за вашей жизнью!

Толпа зашумела. В мире боевых искусств постоянно появлялись новые лица, и о делах давно минувших дней почти забыли.

— Ты действительно потомок великого мастера Жэня? — удивленно спросил настоятель Дэюань, а затем гневно добавил: — Мастер Жэнь всю жизнь был честен и благороден, помогал слабым, как же ты можешь, встав на путь зла, смотреть в глаза своему отцу?

— Добро и зло? Это всего лишь высокие слова из ваших лицемерных уст. Между ними тонкая грань, и большинство людей показывают другим лишь фальшивую сторону своей справедливости.

Фан Юньсюань пронзил взглядом Фан Хуаньтяня и Юань Суй:

— Если вся жизнь праведника заканчивается тем, что его предают и убивают те, кого он называл братьями, то, уверен, мои невинно убиенные родители жалели лишь о том, что не вступили в культ демонов раньше.

Фан Хуаньтянь вдруг с отчаянием закричал:

— Юнь... Жэнь Сяояо, если хочешь отомстить, убей меня! Зачем нужно было так изощренно заставлять мою дочь выйти за тебя?

— Потому что я много думал и решил, что убить тебя одним ударом — слишком просто. Сто тридцать жизней в Усадьбе Жэнь... ты думал, я позволю тебе умереть так легко? — закончив фразу, он не выдержал гнева, схватил Фан Хуаньтяня и Юань Суй за воротники и швырнул их на пол.

Фан Хуаньтянь, снедаемый позором, попытался подняться, но, как только он пошевелился, по телу разлилась острая боль. Не только у него — у всех, кто пил вино, начались невыносимые мучения. Раздались стоны, у многих, чья сила была слабее, пошла кровь из семи отверстий.

Ся Чуцзю сидел в углу скрестив ноги, глаза его были закрыты, он беззвучно шептал заклинания. Черная змея на его руке извивалась в такт, а вены, прокушенные клыками, вздулись так, будто вот-вот лопнут.

На лице Гун Цюйчэня играла улыбка. Учитель когда-то говорил, что если они вернутся в Сишуанцбаньна, то, учитывая талант Чуцзю, он сможет стать верховным жрецом.

Они оба пришли сюда, чтобы помочь Сяояо отомстить. Трое друзей договорились: как только они рассчитаются с долгами, то вернутся в Сишуанцбаньна и больше никогда не ступят на земли Чжунъюаня. Ради этой клятвы он готов был сделать для Сяояо что угодно.

Фан Юньсюань махнул рукой, и Ся Чуцзю замолчал. Змея перестала сосать кровь и послушно свернулась кольцом на его руке.

— Более двадцати лет назад имена Пяти героев Цинъюаня знали все. Мой отец Жэнь Цюаньфэн, Фан Хуаньтянь, мастер Руки, Хватающей Дракона, небесная фея Ци Юаньжун, ученик Удана Ду Юань и глава эскортного агентства Чжан Мухуай. Эти пятеро поклялись в братстве перед ликами богов и вместе странствовали по свету.

— Но Фан Хуаньтянь всегда завидовал тому, что слава моего отца выше его собственной. Когда отца выбрали главой, он затаил обиду и постоянно жаловался Ду Юаню и Чжан Мухуаю.

— Позже отец женился на Му Хунлин, которую люди Чжунъюаня считали ведьмой, и ушел из мира боевых искусств, основав в Цинъюане ферму.

— Отец знал, что Фан Хуаньтянь держит на него обиду, но не обращал внимания, по-прежнему относясь к нему как к брату. Дела на ферме шли в гору, и Фан Хуаньтянь, видя, как его названный брат превращается из великого мастера в богатого купца, а сам он остается ни с чем, не смог скрыть свою зависть.

— Он убедил азартного Чжан Мухуая и нашел Ци Юаньжун, которая была влюблена в моего отца, но, получив отказ, возненавидела его. Ду Юань, который долго добивался Ци Юаньжун, тоже стал их сообщником.

Люди затаив дыхание слушали спокойный рассказ Юньсюаня. В зале слышалось лишь тяжелое дыхание.

Фан Юньсюань усмехнулся:

— В то время мне было всего четыре года, поэтому всех деталей я не знал. Это лишь то, что я собрал из обрывков разговоров родителей. Дядюшка Фан, тетушка Ци, разве Сяояо сказал неправду?

Фан Хуаньтянь и Юань Сюй застыли, их губы дрожали — им нечего было ответить.

— Десятое число десятого месяца — мой день рождения и день памяти всех жителей Усадьбы Жэнь, — тихо сказал Фан Юньсюань, и в его глазах вспыхнула жажда убийства.

— В городе Цинъюань жили простые земледельцы, и кроме моих родителей, лишь кормилица, воспитавшая меня, владела боевыми искусствами. В ту ночь, передав меня кормилице, мама бросилась в огонь.

— Кормилица, боясь, что демоны не оставят меня в покое, подложила в комнату родителей своего сына, которого только что привезла с фермы. Она несла меня два месяца, ночуя в лесах, питаясь корой и ягодами, утоляя жажду дождевой водой из озер.

— Мой учитель Тун Тяньцзы всегда любил мою мать. Я умолял его сохранить жизнь этим четверым подонкам, чтобы я мог сам выучиться и отомстить за родителей. Он покинул культ

демонов и уехал со мной в Сишуанцбаньна. Я хотел, чтобы Фан Хуаньтянь узнал, каково это — быть преданным теми, кому доверяешь больше всего, поэтому через три года я вернулся в Чжуньюань.

Глаза Фан Хуаньтяня наполнились слезами. Он смотрел сквозь пелену слез на мужчину перед собой, и тот постепенно сливался в его сознании с тем мальчиком, что едва доходил ему до колена.

Разделив имущество, награбленное в Усадьбе Жэнь, он осуществил свою мечту и построил эту крепость. А потом в один прекрасный день у ворот появился маленький нищий мальчик, который каждый день просил булочку, но гордо отказывался от гроша, который он ему предлагал.

Видя в ребенке гордость, он вспомнил свое бедное детство и сделал его своим первым учеником. И мальчик не обманул его ожиданий: ни талантом, ни умом. Он был настолько доволен, что решил отдать ему свою единственную любимую дочь.

Он думал, что они связаны судьбой, но не знал, что это судьба-злодейка.

Какую же карму он создал!

Все присутствующие были потрясены правдой. Настоятель Дэюань тяжело вздохнул, выпрямился и с сожалением покачал головой.

Фан Юньсюань холодно усмехнулся и продолжил:

— Смерть Ду Юаня и Чжан Мухуая раньше времени была вне моих планов, это слишком легкий конец для них. Я хотел оставить вас всех до сегодняшнего дня, чтобы убить вместе — вот это доставило бы мне удовольствие.

Юань Сюй, потеряв самообладание, сбилась с пути ци, и яд гу начал терзать ее так, что она начала харкать кровью. Она была бледна как смерть и в одно мгновение постарела на десятки лет:

— Я знала, что за совершенные грехи придется платить. Сколько лет я жила с этим грузом на совести.

Она подняла голову и посмотрела на Фан Юньсюаня глубоким взглядом:

— Ты совсем не похож на отца, зато вылитая Му Хунлин... женщина, которую Жэнь Цюаньфэн не отпустил даже после смерти... Как же я этого не заметила раньше?

Юньсюань холодно смотрел на женщину, чье морщинистое лицо постепенно сливалось с образом тетюшки Ци из его детских воспоминаний. Той самой юной девушки, которая пела ему колыбельные и водила за руку по двору...

Юань Сюй вдруг разразилась смехом, кровь потоком лилась изо рта, но она не замечала этого:

— Я убила Му Хунлин, а теперь ее сын пришел убить меня! Возмездие! Ха-ха-ха, это и есть возмездие!

Она попыталась подняться, и, не успев никого ошеломить, сдерживая боль, напрягла все силы. Раздался приглушенный звук — ее меридианы разорвались. Лишенное опоры тело упало, как сломанный бумажный змей, изо рта и носа хлынула кровь — зрелище было ужасающим.

Фан Юньсюань прикрыл глаза, вытащил меч Фэн У и направил острое лезвие на горло Фан Хуаньтяня:

— Твоя очередь. Этот меч ты сам мне дал. Мой отец ведь тоже умер от него, верно? Я не использую Руку, Хватающую Дракона, чтобы убить тебя — я уже проявил к тебе достаточную милость.

Фан Хуаньтянь обреченно закрыл глаза:

— Прошу только об одном — пощади мою дочь.

— Нет! — вскрик в толпе прервал его.

Алая фигура бросилась вперед, заслонив собой Фан Хуаньтяня.

Фан Юньсюань нахмурился, глядя на свою жену, с которой только что обменялся поклонами. Сейчас ее лицо было залито слезами, а в красных глазах застыл ужас.

— Почему? Почему так? Мы ведь только что поженились! — в отчаянии закричала Фан Мэн. — Если все это было ради мести, почему ты не убил меня сразу, почему соблазнил меня?

— Почему бы тебе не спросить у своего отца, почему он предал доверие? — прошептал Фан Юньсюань, заставляя себя быть жестоким. Слезы Фан Мэн ранили его сердце, словно острые лезвия.

<http://bllate.org/book/21134/2143995>